

N

Содержание

От редактора

7

Другие берега

9

Предисловие к русскому изданию

13

От редактора

Свой первый автобиографический очерк на английском языке под рабочим названием «It is Me» («Это я») Набоков, как следует из его писем к матери, сочинил в середине 30-х годов, еще до собственного английского перевода «Отчаяния», оконченного в декабре 1935 г. В январе 1936 г. он написал на французском языке автобиографический рассказ «Мадемуазель О», опубликованный в апреле того же года в журнале «Mesures»; переведенный в 1942 г. на английский язык, он впоследствии вошел в книгу воспоминаний. В феврале 1937 г. Набоков читал свои английские воспоминания в различных литературно-издательских кругах и безуспешно предлагал их к публикации четырем лондонским издателям (среди которых был и Victor Gollancz, пятнадцать лет спустя выпустивший первое британское издание «Speak, Memoir»). Рукопись этого раннего автобиографического очерка («мои английские реминисценции», как Набоков называл его в письме к матери) до сих пор не обнаружена, и поэтому нельзя сказать, в какой мере первая версия мемуаров была использована в работе над книгой.

Переехав в 1940 г. в Америку, Набоков с 1943 по 1951 г. сочинял и публиковал свои воспоминания от-

дельными рассказами в американских журналах; книга, наконец, увидела свет в феврале 1951 г. в издательстве «Harper & Brothers» под названием «Conclusive Evidence. A Memoir» («Убедительное доказательство. Воспоминания»). Вскоре это название было заменено на «Speak, Memory» («Свидетельствуй, память»), под которым автобиография Набокова издавалась до 1966 г., когда вышла ее уточненная и дополненная редакция «Speak, Memory. An Autobiography Revisited» («Свидетельствуй, память. Пересмотренная автобиография»). Но и после этого Набоков не оставлял мыслей продолжить книгу, упомянув в самом предисловии к ней о намерении однажды написать «Свидетельствуй дальше, память» («Speak on, Memory»), посвященную американским годам его жизни (1940–1960). В нью-йоркском архиве Набокова хранятся карточки с набросками и материалами, относящимися к этому проекту.

Русская версия воспоминаний, главы из которых печатались в эмигрантских журналах «Опыты» и «Новый Журнал», выходявших в Нью-Йорке, была опубликована в 1954 г. в «Издательстве имени Чехова» (Нью-Йорк) под названием «Другие берега». В предисловии к этому изданию Набоков объяснил, что русская версия книги существенно отличается от английской (наиболее значительное отличие — исключение главы одиннадцатой, «Первое стихотворение»).

«Другие берега» были переизданы в 1978 г. в «Ардисе». Печатается по этому изданию с исправлением замеченных опечаток*. Вынесенные в конец книги примечания Набокова приводятся в подстрочных сносках.

* Редактор благодарит Вадима Алексеевича Маневича, любезно предоставившего для сверки копию издания 1978 г.

Другие берега

Посвящаю моей жене

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемая читателю автобиография обнимает период почти в сорок лет — с первых годов века по май 1940 года, когда автор переселился из Европы в Соединенные Штаты. Ее цель — описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе. Я попытался дать Мнемозине не только волю, но и закон.

Основой и отчасти подлинником этой книги послужило ее американское издание, «Conclusive Evidence»*. Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, а на избранном языке (английском) искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году,

* «Убедительное доказательство» (*прим. Набокова*).

я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишком лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого — или Иванова, няни русской публицистики, — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставанья с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня.

Я вижу невыносимые недостатки в таких моих английских сочинениях, как, например, «The Real Life of Sebastian Knight»^{*}; есть кое-что удовлетворяющее меня в «Bend Sinister»^{**} и некоторых отдельных рассказах, печатавшихся время от времени в журнале «The New Yorker». Книга «Conclusive Evidence» писалась долго (1946–1950), с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад — музыкально недоговоренный, русский, — а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный. В получившейся книге некото-

* «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (прим. Набокова).

** «Под знаком незаконнорожденных» (прим. Набокова).

рые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно — покуда я не взялся за безумное дело перевода «Conclusive Evidence» на прежний, основной мой язык. Недостатки объявились такие, так отвратительно тарачилась иная фраза, так много было и пробелов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо: «Позвольте представиться, — сказал попутчик мой без улыбки, — моя фамилия N.». Мы разговорились. Незаметно пролетела дорожная ночь. «Так-то, сударь», — закончил он со вздохом. За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдаленных домах...

Вот звон путеводной ноты.